

АЛЕКСАНДРА
ДЕВИЛЬ

ОБЕРЕГ
ВОЛХВОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки и художник *Татьяна Коровина*

ISBN 978-966-14-1649-8 (PDF)

© Кравченко А. П., 2008
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», из-
дание на русском языке,
2009, 2011
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», ху-
дожественное оформле-
ние, 2009

МАГИЯ ИСТОРИИ

Александра Девиль известна читателям как автор историко-приключенческих романов «Перстень Дарины» и «Изумрудное сердце». Поклонникам этого увлекательного и познавательного жанра, без сомнения, будет интересно узнать больше о писательнице и ее произведениях. Предлагаем вашему вниманию фрагмент беседы Александры Девиль с известным журналистом, членом Всемирной Ассоциации русской прессы Леонидом Гамольским.

— Александра, я знаю, что раньше вы занимались наукой. Мы привыкли к тому, что если научные работники приходят в литературу, то, как правило, публикуют документальные, научно-популярные опусы, мемуары. Но откуда у вас такой интерес к художественной прозе, истории, психологии?

— Склонность к творческим занятиям сопровождала меня всегда. Со школьных лет я увлекалась театром, кинематографом, поэзией, много рисовала. На праздничных вечерах была и сочинителем, и режиссером. В голове постоянно складывались интересные сюжеты. Потом накопленный багаж знаний и наблюдений за человеческими характерами потребовал своего выражения в какой-то определенной форме. Так начались мои литературные опыты. Что же касается истории... В детстве и юности моими любимыми книгами были романы А. Дюма, М. Дрюона, В. Скотта, А. и С. Голон, Генрика Сенкевича. А первой искусствоведческой книгой, которую я прочла еще ребенком, было «Искусство итальянского Возрождения». С тех пор я полюбила романтический колорит прошлых веков, почувствовала магию истории.

— Роман «Оберег волхвов» — о Руси XII века. Почему вас увлекла эта тема?

— Мне давно хотелось написать о восточнославянском Средневековье в традициях западноевропейского историко-приключенческого романа — т. е. уделяя основное внимание не идеологии и политологии, а чувствам и отношениям людей, духовной и материальной культуре того времени, романтике путешествий и приключений.

«Оберег волхвов» перенесет читателя в древний Киев, приднепровские степи, Монастырский остров (на Днепре перед порогами), Крым, Византию. На фоне этих знакомых и незнакомых мест разворачивается драма трудной любви героев, разлученных коварными интригами, несчастливом стечением обстоятельств и собственной гордостью. Действие романа происходит в начале XII века. Киевская Русь, ослабленная после княжеских междоусобиц на рубеже веков, вновь достигает единства и могущества при Владимире Мономахе. Библиотеки (впоследствии

почти все они погибли во времена татаро-монгольского нашествия), великолепные храмы, иконы и мозаики, школы при монастырях, в том числе и женские, — все это свидетельствовало о достойном месте средневековой Руси домонгольского периода среди европейских стран. А еще именно на Руси, с ее опасными и длинными дорогами, появился отмеченный многими историками особый тип купцов-воинов — грамотных, смелых путешественников, благодаря которым поддерживались мирные связи между странами и народами. Таков главный герой романа Дмитрий.

— **И все же описание «седой древности» в романе — далеко не главное. В «Обереге волхвов» открывается целый мир разнообразных чувств и характеров, вполне узнаваемых, несмотря на столетия, которые отделяют нас от героев романа.**

— Неудивительно, что они узнаваемы. Время меняет лишь антураж, а душа человека и ныне живет теми же чувствами, страстями, что и десять веков назад.

— **Александра, я знаю, что ваша жизнь была далеко не безоблачна, вам пришлось пережить потери близких людей, тяжелую болезнь. И, несмотря на это, в ваших произведениях нет мрачности, они несут жизнеутверждающую, светлую энергетику, даже когда вы пишете о весьма драматичных событиях...**

— Творчество помогло мне выжить, найти внутреннюю опору, и я дала себе слово: буду писать так, чтобы душа читателя не погружалась в мрачные бездны пессимизма, а наполнялась верой в красоту, в возможности человека. Я считаю, что искусство должно дарить надежду и любовь к жизни.

— **В своих книгах вам удастся популяризировать и романтизировать восточнославянскую историю. Ваш следующий роман тоже будет посвящен этой тематике?**

— В следующем романе читатели встретятся с героями «Оберега волхвов» спустя 35 лет, во времена княжеских междоусобиц на Руси и Крестовых походов в Западной Европе. Главной героиней становится Мария, младшая дочь Анны и Дмитрия. Среди персонажей романа — внук Мономаха Изяслав Мстиславич, французский король Людовик VII, королева Элеонора Аквитанская, известные трубадуры и церковные деятели.

— **Меня, как читателя, ваши романы привлекают еще и тем, что они весьма актуальны, поскольку исследуют становление человеческой личности в условиях переломного времени. Наше время тоже можно назвать переломным. Что бы вы хотели пожелать своим читателям?**

— Душевных сил и веры в лучшее, несмотря ни на что. А еще желаю, чтобы каждый человек смог реализовать возможности, данные ему природой. Свой путь нужно пройти, даже если на его поиски понадобятся большие усилия, затраты и время.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ

Весна 1112 года оказалась неудачной для богатого киевского боярина Тимофея Раменского. Умерла его свояченица игуменья Евдокия, воспитавшая Анну, дочь Тимофея от первого брака. В своем доме боярин все сильнее стал ощущать что-то недоброе, и эти предчувствия угнетали ему душу. А в довершение к домашним неладам объявился именно в его владениях беглый разбойник Быкодер — жестокий и хитрый убийца. Особенно страшный вред нанес Быкодер Раменью¹ — отчине боярина Тимофея, что находилась к северо-западу от Киева, на землях, отвоеванных у дремучих древлянских лесов. Разбойник жег избы в раменских селениях, с небывалой жестокостью убивал одиноких путников, а девушек и молодых женщин подстерегал и утаскивал в свою лесную берлогу, где ожидал их ужасный конец. И хотя действовал Быкодер один, без шайки, — никто не мог выследить и поймать душегуба. Люди уже стали считать его дьяволом, антихристом. А старики, не забывшие еще древних богов и волхвов, шептали, что это Перун мстит киевской земле за свое поругание. Напуганные страшными рассказами

¹ Раменье — густой лес (*старослав.*).

о разбойнике, жители Раменья начали покидать свои села и слободки, уходя под защиту городских стен. Кроваожадный и неуловимый злодей пугал их не меньше, чем голод или набеги половцев.

Боярин Тимофей стал опасаться, что скоро его тиунам¹ не с кого будет собирать дань в Раменье, да и сами они не осмелятся туда поехать. И тогда, посоветовавшись с великим князем, боярин объявил награду за поимку разбойника.

В ту пору на Руси великим князем был Святополк-Михаил, занявший некогда Киевский престол благодаря великодушию своего двоюродного брата Владимира Мономаха. Мономах, этот князь-воин, любимый народом защитник Руси от кочевников, мог бы стать великим князем после смерти своего отца Всеволода Ярославича, но уступил престол Святополку, сыну Изяслава, со словами: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной».

Князь Святополк был благосклонен к боярину Раменскому и пообещал ему, что заставит других бояр и купцов войти в долю с Тимофеем, потому что ведь и в их владения мог забраться нелюдь-Быкодер.

Но то, что пугало людей в глухих лесах и отдаленных селениях, казалось не таким уж страшным среди бойкого киевского торжища на Подоле². Здесь было, как всегда, пестро и многолюдно. Подворья иноземных купцов, лавки менял и мастерские ремесленников располагались рядом, а потому торговая площадь радовала глаз разнообразием товаров и одежд. Здесь каждый был занят своим делом: кто куплей-продажей, а кто — наблюдениями и расспросами. Немало было и таких, которые попрошайничали или высматривали, где что плохо лежит. Были и хвастуны, пришедшие на площадь лишь затем, чтобы покрасоваться, себя показать. Были и угрю-

¹ Тиун — управляющий хозяйством князя или боярина, а также судебный агент.

² Подол в Средние века был ремесленным и торговым центром Киева.

мые, оборванные рабы. Всякие люди приходили на торжище и разговоры вели самые разные. Но о Быкодере не так уж много говорили. А иные гридни¹, княжие отроки² и молодые купцы вообще посмеивались, считая, что Быкодер — выдумка темных древлянских смердов³, что-то вроде очередной сказки о Соловье-разбойнике или Идолище поганом.

Трудно было чем-то удивить бойких завсегдаев рыночной площади. И все же появление некоего лица вызвало интерес у многих. Не обращая внимания на удивленные возгласы зевак, к торговым рядам медленно и важно приближался молодой красавец в одежде из бархата и царьградского шелка, в сафьяновых сапогах с позолоченными шпорами. Его дорогой красный плащ был небрежно откинут назад, дабы не скрывать расшитые золотыми нитями оплечья. Парчовая шапка с собольей оторочкой, лихо заломленная на одно ухо, непонятно каким чудом удерживалась на русых кудрях. На груди его красовалась тяжелая золотая цепь, на пальцах и на рукояти сабли сверкали самоцветы. Рядом с роскошным щеголем вышагивали два спутника, одетые как княжие отроки. Один из них нес расшитую шелком суму — очевидно, для покупки дорогих товаров. Другой же с важным видом держал над головой своего господина диковинный и очень модный предмет, который иноземцы называли «парасоль», а местные жители — «подсолнучник». Это сооружение защищало белое лицо господина от ранних и уже довольно жгучих лучей майского солнца.

Женщины и девушки всех сословий — кто открыто, а кто украдкой — провожали глазами нарядного красавца.

В числе прочих смотрела на него не отрываясь и Надежда — дочь искуснейшего в Киеве гончара Вышаты. Она торговала в посудных рядах изделиями своего отца, к которым и сама прикладывала руку, ибо от природы был у нее талант рисовальщицы. Во многом благодаря ее росписям горшки

¹ Гридень — воин.

² Княжий отрок — младший член княжеской дружины.

³ Смерд — крестьянин.

и кувшины Вышаты шли нарасхват. Гончар был человеком строгим и дочь свою на торжище старался не пускать. Обычно Надежда помогала отцу в мастерской или управлялась по дому, а продажей посуды занималась жена гончара да кто-нибудь из его подмастерьев. Но сейчас заболела младшая дочь Вышаты, а потому жена осталась дома.

Надежде пришла помогать ее подруга Варвара. Эти девушки составляли в своем роде заметную пару. Надежда была на редкость красива, но при этом излишне скромна и ненаходчива в разговоре. Варвара же, дочь корчмаря, была, напротив, девицей бойкой и острой на язык и, хотя красотой не отличалась, могла привлечь кокетливым и веселым нравом. Девушкам помогал Ореша — молодой подмастерье гончара.

Тут же крутились еще два парня. Это были завсегдатаи рынка Юрята и Гнездило. Они занимались доставкой товаров в дома бояр и знатных горожан и любили прихвастнуть своими знакомствами и осведомленностью. Привлеченные красотой Надежды и бойкостью Варвары, молодые люди набивались к ним в добровольные помощники.

Появление на площади неизвестного красавца заметила вначале Надежда, потом — Варвара, которая тут же и высказалась по этому поводу:

— Глядите, какой князь! Ну, прямо Чурила Пленкович!¹ Интересно, откуда прибыл?

Юрята и Гнездило тут же повернулись взглянуть на примечательную фигуру.

— А ведь и правда — князь, — сообщил Юрята. — Только без княжества. И даже без удела. Один блеск да гордыня.

— Как же может быть князь без удела? — не поверила Варвара.

— А он вроде как блуждающий князь, — засмеялся Юрята. — То там, то сям пытается сесть. После смерти его отца все перешло к брату, а этот молодец без земли остался.

¹ Чурила Пленкович — персонаж нескольких былин Киевского цикла, шеголь и дамский угодник.

— Что ж, уделы теперь дробятся, — заметил Гнездило. — И если этот княжич с родней отца не поладил, то и неудивительно, что стал безземельным.

— Разодет он так, наверное, в долг. Но долги вернет из дядюшкиного наследства. У него со стороны матери есть богатый дядюшка боярин где-то поближе к Теревовлю, — сообщил Юрята.

— И откуда ты все знаешь? — удивилась Варвара.

— А ты разве забыла, что я поставляю товары в дома к знатым людям? Среди прочих и боярину Тимофею Раменскому. Так вот, этот князь — зовут его Глеб — остановился в доме у боярина Тимофея. И знаете почему? Поговаривают, что боярин имеет на него виды как на жениха своей дочери.

— Боярышни Анны? — встрепенулась Надежда. — Той самой, которой никто в Киеве не видел?

— Ну да, той самой, что с малолетства живет в монастыре у тетки. Говорят, она слабоумная и к тому же больно неказистая, рябая.

— Что с того. Зато она боярышня и с богатым приданным, — вздохнула Надежда. — Ей и за такого князя можно...

— А тебе он уже понравился, что ли? — ревниво спросил Юрята и приосанился, вытянувшись во весь свой невеликий рост. — Ишь, засмотрелась...

— А почему бы нам и не засмотреться на такого красавца? — задиристо спросила Варвара. — На тебя, что ль, смотреть, коротыш, или вот на Гнездилку рыжего?

— Красавица отыскалась, — проворчал Юрята. — А на этого князя глаз положили и поважнее вас. Не удивлюсь, если его у боярышни Анны отобьют.

— Кто же? — в один голос спросили Варвара и Надежда.

— А падчерица боярина Тимофея. Та самая Берислава-Устинья.

— Дочка Завиды?

— Да. Дочка ее от первого мужа. Красотка известная.

— И, говорят, такая же ведьма, как мать, — добавил Гнездило. — Тоже и в колдовстве ведает, и в зельях приворотных, и во всяких заговорах.

— Ну, значит, сведет она с ума этого князя, а от боярышни Анны его отвадит, — подвела итог Варвара.

Увлеченные разговором, девушки не обращали внимания на покупателей, предоставив взлохмаченному Ореше самому заниматься торговлей. И только звон разбитого горшка, что выскользнул из рук суетливого подмастерья, заставил их наконец вернуться к посуде. Звон привлек внимание и приезжего красавца. Посмотрев в сторону посудного ряда, князь Глеб сразу заметил хорошенькое личико Надежды. В несколько шагов он приблизился к ней, окинул ее с ног до головы оценивающим взглядом. Девушка была невысокого роста, но стройная и ладная. Густые темно-русые волосы ее, перехваченные алой лентой, подчеркивали белизну гладкой кожи. Смутившись под пристальным взглядом князя, она опустила свои большие ореховые глаза и залилась румянцем, отчего стала еще привлекательней.

— А вот и главное украшение этой площади, — сказал Глеб, опершись локтем о поставец с посудой и приблизив свое лицо к лицу Надежды. — В разных землях я бывал и могу сказать точно: такую красавицу, как ты, редко повстречаешь. Как зовут тебя, царевна? Чья ты дочь?

— Я не царевна, а дочь простого гончара, — ответила девушка, решившись наконец поднять на него глаза.

— Ну уж не простого, — вмешалась Варвара. — Отец Надежды — Вышата, лучший гончар в Киеве.

— Значит, тебя зовут Надеждой? Хорошее имя. Но, по моему, тебе больше подходит Ясноцвета.

Заигрывания князя с Надеждой не остались незамеченными. Многие с любопытством наблюдали сценку у посудного ряда. Кто-то уже отправился в мастерскую Вышаты, чтобы сообщить ему о таком внимании к его дочери.

Заметили князя и двое людей — мужчина и женщина, — только что пришедшие на площадь. Женщина, на вид лет со-

рока, высокая и худая, с благородной осанкой, была одета в очень строгую темную одежду. На ее бледном лице, еще сохранившем былую красоту, угадывалась печать пережитых страданий; горечь таилась в глубине миндалевидных черных глаз. Мало кто теперь узнавал эту рано увядшую красавицу. А между тем она была правнучкой Владимира Святого, внучкой Ярослава Мудрого, дочерью ученого князя Всеволода, сестрой князя-воина Владимира Мономаха, женой — а теперь уже вдовой — германского императора Генриха IV. Княжна Евпраксия Всеволодовна, она же императрица Праксед-Адельгейда, давно уже вела уединенную жизнь в одном из киевских монастырей и на люди показывалась редко. В этот день она лишь затем пришла на торговую площадь, чтобы помочь молодому художнику Феофану купить краски у иноземных купцов. Евпраксия много повидала во время горестных скитаний по Европе, а от отца своего, князя Всеволода, унаследовала способности к языкам. Потому и не было у монастырских иконописцев и книжников лучшего советчика, чем эта некогда знатная, а теперь всеми забытая женщина.

Феофан, спутник Евпраксии, учился своему мастерству у греческих художников и украсил рисунками множество книг, а теперь расписывал церковь при монастыре, где жила Евпраксия. Бог дал ему талант, но не отпустил даже крупницы внешней привлекательности. Феофан был некрасив до безобразия и к тому же горбат. Правда, горб он получил не в раннем возрасте, а потому не был, как большинство горбунов, маленького роста, а скорее — среднего.

Евпраксия и Феофан знали Надежду: она иногда приносила посуду в монастырь. Слышали они и о Глебе, а Евпраксия даже была с ним знакома несколько лет назад.

— Не нравится мне, что он эту девочку смущает, — пробормотала она как бы про себя. — Надежда совсем еще ребенок, а Глеб...

Феофану это тем более не нравилось — он ведь тайно и без всякой надежды на взаимность был влюблен в молоденькую

дочь гончара. Теперь Феофан угрюмо молчал, не сводя пристального взгляда с князя и девушки.

Появился гончар Вышата и стал сурово выговаривать дочери:

— Я тебя послал посудой торговать, а не с приезжими молодцами любезничать! Негоже честной девушке так себя вести.

— Но что я сделала? — растерялась Надежда. — Я же не виновата...

— Зачем ты дочь свою ругаешь, гончар? — вступился за нее Глеб. — Это я к ней подошел и на разговор ее вызвал.

— Ты, я слыхал, — князь? — обратился к нему Вышата. — А моя дочь — не княжна и не боярышня. О чем тебе с ней толковать? Хочешь посуду купить — покупай, но голову девушке не кружи. А ты, дочка, сама должна понимать, что князь тебе не ровня. Доброе имя легко потерять, если вести себя без оглядки. Иди домой, Надежда, тут тебе не место.

Девушка вздохнула и, украдкой оглянувшись на Глеба, пошла с площади. После ее ухода князь сразу же потерял интерес к гончарным изделиям и, повернувшись спиной к Вышате, удалился прочь. Через несколько шагов он столкнулся с Евпраксией и Феофаном.

— Вижу, сударь мой, ты привычек своих не поменял, — сурово сказала Евпраксия, преграждая ему путь. — Все так же любишь хвост распускать, словно райская птица павлин. Да только вот что я тебе скажу: ищи ягоды на своем поле, а невинную душу не тронь.

Глеб не сразу узнал в строгой монахине дочь великого князя. Несколько мгновений он изумленно всматривался в ее черты, а потом воскликнул:

— Ты ли это, Евпраксия Всеволодовна?! А я уж года два назад слышал, что ты умерла.

— Да, появлялись такие слухи, когда я ходила к святым местам. Но я умерла только для мирской жизни. Люди обо мне почти забыли, зато Господь наконец вспомнил.

— Так ты теперь уединилась в монастыре и замаливаешь свои грехи? — усмехнулся князь.

Евпраксия не обратила внимания на его насмешку и все так же сурово сказала:

— Кто в чем грешен — о том Богу судить. А ты, сударь, уходи от греха подальше и не смей искушать эту девочку, Надежду, иначе я всем расскажу, какой ты хвастун и распутник.

— Не тебе, сударыня, меня упрекать! — воскликнул Глеб, молодежато подбоченясь. — Распутником меня называешь, а сама-то ты кто? Уж так прославилась повсюду, что даже скоморохи о тебе поют. И не только у нас. Я недавно ездил с посольством в Германию. Там до сих пор не утихли слухи о твоих приключениях. Да и в Польше и в Чехии был я слышан...

— А я была слышана, как ты из Германии с позором бежал, — перебила его Евпраксия. — Поспорил там с одним офицером, а когда он тебя на поединок вызвал, ты струсил и ночью сбежал из Регенсбурга. Да еще все деньги с собой прихватил, так что люди твои там нищими остались, пришлось им едва ли не побираться.

— Это все наветы! Не струсил я и не сбежал! Мне пришлось срочно уехать, потому что за мной прибыл гонец от нашего князя.

— Нет, именно сбежал! С толмачом и двумя крепкими дружинниками для охраны. И какой бы это князь за тобой гонцов посылал? Разве что княгиня или боярыня...

— Лучше молчи, а не то скажу, какая ты...

Бранное слово готово было сорваться с уст князя, — но вдруг вперед стрелой вылетел Феофан и кинулся на спорщика. Однако ударить не успел: Глеб отклонился в сторону, а потом с силой оттолкнул художника от себя. Тут же один из спутников князя быстрым ударом повалил Феофана на землю.

Евпраксия с гневным восклицанием бросилась между Феофаном и Глебом, но князь грубо отстранил ее и снова замахнулся на едва поднявшегося художника.

Однако руку Глеба, уже занесенную для удара, кто-то крепко схватил и дернул назад. Глеб, с трудом удержав равновесие, оглянулся и тут же услышал насмешливый голос: